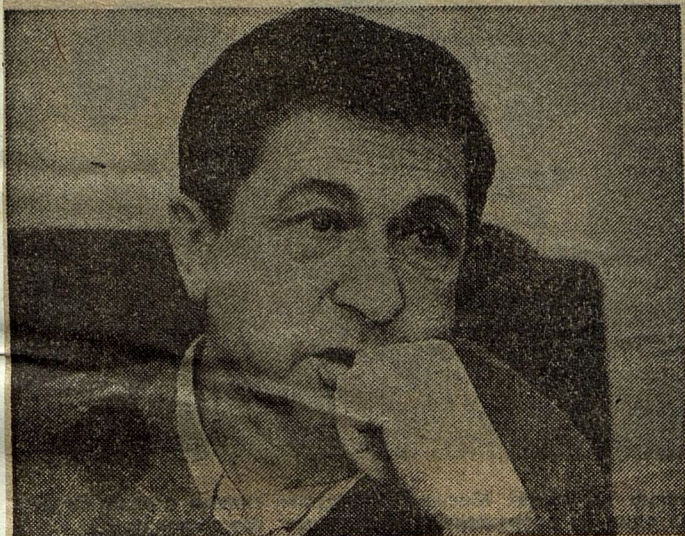

ИЗВЕСТИЯ - 1993 - 4 февр. - с. 7

АКТЕР-СОВРЕМЕННОК, ВЕРНЫЙ «СОВРЕМЕННОКУ»

Игорь Кваша изумляет преданностью театру. И не только Театру как искусству, с большой буквы, но и конкретному московскому театру — «Современнику». Кваша служит на его сцене с 1957 года, почти сразу же после окончания Школы-студии МХАТ. Он переиграл, кажется, всю классику «Современника» — от розовских «Вечно живых» и «Голого короля» Евг. Шварца. В кино же снимался, увы, нечасто. Бывало не раз: предлагали роль в фильме, а он упорно отказывался: это же значит — в ущерб работе в театре. Идеализм! Прекрасное и почти изжитое в людях это свойство воплощено Квашой в иных его персонажах (а он играл Мольера и Сирано, доктора Стокмана и Луку, современного «фантазера» Фарятева).

Кваша — не из словоохотливых и часто «мелькающих» художников. Потому, думаю, лучшее поздравление ему к 60-летию — это небольшое интервью.

— Игорь Владимирович, чего бы вы пожелали самому себе? Какой роли?

— Не скажу. Я человек суровый. Конечно, я как актер и немножко режиссер не могу не хотеть сделать то, что будет иметь успех у зрителя. Успех — это вообще крайне важно для художника. А ведь театр — это «бабочка-однодневка», он умирает каждый вечер. Поэтому здесь ничего нельзя делать «впрок», в надежде на завтрашнее признание, на успех у будущего, как в литературе или живописи. Только сегодня. Сейчас.

— Значит, непременно, в надежде на сегодняшний успех у сегодняшнего зрителя? Не опасный ли критерий? Не многовато ли стало этой оглядки на зрителя, на вознаграждение (в том числе и прямое)? Не редкость ли — сохранение уважения к себе у человека искусства и у самого искусства?

— Может быть, мне повезло,

но в нашем театре вообще никогда (не взгляды бы!) не было так называемой «проблемы зрителя»: аншлаги были всегда, и сегодня тоже. В этом смысле мы достаточно благополучны, насколько может быть благополучен творческий коллектив вообще. Мы сохранили доступные цены, мы имеем (как абсолютно, изначально нерентабельное помещение) немалую дотацию (хотя все равно малую по нашим вложениям). Мы имеем своего зрителя. И цены мы не поднимаем оттого, что понимаем: с изменением ден может измениться и социальный состав зала. К нам уже просто не смогут ходить, скажем, студенты или те, кто ходил 10, 20 лет назад. Другое дело, что цены на билеты все равно не определяют нашего благополучия, не влияют на финансовое положение: если бы мы могли, как раньше, жить на сборы! Значит, помогают спонсоры, значит, сдаем помещения в аренду, как и повсюду в

театрах, только тем и держимся.

А насчет самоуважения. Если ты нищий... Вот, думаете, если бы у Де Ниро, скажем, не было его миллионов, к нему так же бы относились?

— Чехов писал, что относиться к актерам или художникам иначе, чем к другим людям в обществе, — это нормально, это идеализм. Так и просится здесь роковое слово «менталитет»...

— Но все-таки, если зритель понимает, что актер этот нищ, живет еще хуже, чем он, это не прибавляет уважения к его труду... Хотя — я сейчас вдруг вспомнил и подумал, что, наверное, вы в чем-то правы: мы как-то давно были на ВАЗе, и Андрея Мягкова (он только что снялся тогда в «Иронии судьбы» и был фантастически популярен) спросили рабочие на конвейере, сколько он получает. И когда он назвал сумму, втрое меньшую, чем их зарплата, они были просто потрясены!

— И меньше любить Мягкова, наверное, не стали... Кстати, а вы считаете, что это нормально, когда театр сдает помещения «внаем»?

— Да, я считаю это нормальным...

— Но все-таки, наверное, лучше, чтобы этого не было?

— Лучше, чтобы этого не было. Лучше вообще, чтобы культура, театр дотировались, как во всем мире: или спонсоры, или государство помогают. Иначе театр, именно театр, не проживет. Искусство вообще не может, не должно приносить прибыли и даже обеспечивать себя, этого нет нигде, ни в какой стране. И у нас не должно быть.

— А на деле? Вот и приходится «переориентироваться» искусству на уровень толпы...

— Какая-то часть искусства всегда на уровне толпы, во все времена. Только толпа разная. Но всегда были те, кто открывал работы на чью-то «потребу», будь то двор или толпа. И все-таки Моцарт остался, его знают все, а Сальери — только потому, что существует легенда, будто он Моцарта отравил, иначе бы и имени его не вспоминали...

Знаете, это вообще очень сложно. Вот, скажем, Феллини или «Полет над гнездом кукушки» Формана — тот редчайший случай, когда и художественные, и зрительские критерии совпадают. Но именно то, что называют «элитар-

ным», порой и движет искусством...

Джон Кеннеди в молодости написал книгу, где доказывал, что политик не должен идти на поводу у избирателей, он должен быть выше, вести. И художник просто обязан быть выше, вести: иначе почему вообще он — художник? А иные, конечно, и всегда, и сегодня делают то, чего хочет зритель, тем более что здесь есть и финансовый вопрос.

— А чего сегодня, по-вашему, хочет, ждет от искусства зритель?

— По-моему, люди устали. Устали от обмана. От ощущения, что жизнь пообещала и опять обманула. Не политики, не президенты, не обещания чего-то конкретного, не в этом дело — вот в этом чувстве, ощущении обмана. И — равнодушия ко всему, не только к тому, что происходит «наверху». Несколько лет назад, вы вспомните, как искренне «политизировалось» наше общество, люди! А сейчас? Я не уверен даже, пойдут ли они, просто — соберутся ли, скажем, на выборы...

И вот поэтому, думаю, люди в театре элементарно хотят отвлечься. Хотя увидеть про другое. Про совершенно другую жизнь. Комедию, мелодраму, костюмную, историческую пьесу, про любовь, про мушкетеров Дюма или про короля Людовика... Сегодня у многих из нас вообще — это ощущение обмана. Казалось, вот-вот будет что-то хорошее (я говорю не об идеальных вещах — просто о нашей с вами жизни). А жизнь становится все хуже, хуже... И, главное, понять, а что же лучше и как сделать лучше — тоже все труднее. Не бежать же в самом деле за теми, кто орет: давай назад, обратно, к Сталину и так далее...

— И тем важнее сегодня вопрос: как человеку сохранить себя, «душу живу»? Наверное, все-таки нужно жить в ожидании добра...

— Конечно, только так. Несмотря на это ощущение обмана, на этот мрак, мразь, налипшую в душах, нужно, чтобы эта ниточка веры не прервалась. А иначе... Иначе нам придется всем вспомнить Пушкина, который писал о русском бунте. А Пушкин — самый гениальный человек в нашей истории. Он все понимал...

Марина МУРЗИНА.

Фото Юрия ЛУНЬКОВА.